

ЕФИМ АБРАМОВ

Ноктюрн

Рассказ для кино

Игорь старательно избегал её взгляда, а она смотрела на него, казалось бы, спокойно и ждала. Чего? Что он скажет нечто важное и по существу, и это важное сможет всё изменить, повернуть вспять, поможет забыть частые, бессмысленные ссоры при редких встречах, забыть ворохи обещаний, трепотни и вранья?..

Она улыбнулась горько и печально...

Он продолжал говорить о своих проблемах. А она слышала только отдельные слова и совершенно не улавливала смысла. А в памяти каким-то странным образом всплыл далекий, почти пятнадцатилетней давности вечер – весенний и теплый.

Странно, – подумала она. – Именно сейчас, когда вокруг пасмурно и серо, когда происходит это мучительное расставание, когда впереди лишь эмигрантское одиночество почти двадцатипятилетней женщины, память воскресила тот вечер, веселый голос отца, вернувшегося из командировки, низкий баритон папиного друга, пришедшего неожиданно в гости и заразительно-радостный, искренний смех матери...

... Может это и есть защитная реакция организма, – промелькнула у нее мысль. Когда хочется закричать, ударить его изо всех сил по бритой физиономии и бежать от этих чужих улиц, чужих домов и лиц. Бежать, чтобы не слышать, не видеть и не жить. А память вдруг подбрасывает тебе спасительную нить, за которую ты с благодарностью хватаешься и в итоге оказывается, что ты, как воспитанный и благодарный человек, спокойно стоишь на безлюдной улице и слушаешь человека, которого любила и который тебя предал...

...Она усмехнулась собственному глубокомыслию и вновь вернулась в тот весенний вечер, в тепло родительского дома и шумное застолье. На короткое мгновение ей показалось, что она окунулась в ванну с теплой водой...

...В просторных холщовых брюках, в майке с короткими рукавами, под которой едва угадывалась наметившаяся грудь, с короткой стрижкой темных волос, обрамлявших узкое, почти аскетичное лицо с большими карими глазами, она больше напоминала юношу, чем девушку, переступившую порог четырнадцатилетия.

...Она пошла навстречу отцу, вернувшемуся из командировки, поцеловала в небритую щеку и протянула его другу свою узкую ладонь.

– Как нас зовут, молодой человек? – полушутя-полусерьезно спросил он.

– А мы девушки! – вступился отец. – И без оскорблений, Анатолий Семёнович.

Пожалуйста!

Анатолий Семёнович торопливо выпустил её руку, а в это время в комнату вошла смеющаяся мама. Они обнялись, расцеловались, прошли в кухню, потом стали, как говорится, совместными усилиями накрывать стол, и мама всё рассказывала, что

после Верки, старшей на два года охламонши, которая и сейчас шляется неизвестно где, она мечтала о сыне, у которого верхняя часть лица была бы папина, а нижняя её, мамина, но вот родилась она и действительно очень похожа на мальчишку...

И мама развела руками...

– Но я её всё равно очень люблю! – сказала мама растроганно и поцеловала дочь.

Анатолий Семёнович посмотрел на неё и улыбнулся, и ей показалось, что в его взгляде было нечто большее, чем просто мужское любопытство...

... Ночью Верка юркнула к сестре под одеяло, лениво поинтересовалась гостем, занявшим её комнату, вздохнула пару раз мечтательно и томно и сразу заснула. А ей стало грустно. Хотелось рассказать Верке про Анатолия Семёновича, про крохотного деревянного мышонка, которого он ей подарил, про приглашение приехать к нему на зимние каникулы и про то, как он неожиданно поцеловал её пропахшими табаком губами... Но слушать было некому. Верка крепко спала, в доме было тепло и тихо, и наступающая взрослая жизнь казалась прекрасной...

Деревянного мышонка она потеряла, когда переезжали на другую квартиру. Она плакала, а мама кричала из коридора:

– Растяпа. Ничего толком не можешь сделать. Всё у тебя куда-то пропадает: то карандаши, то авторучки, то комсомольский значок. Ты хоть запоминай, куда что кладёшь...

– Да ладно тебе, – вмешался папа.

– Она летает, – вклинилась Верка. – Она в мечтах... – И стала кривляться, изображать то ли птицу, то ли самолёт, и получила от отца по заднице. А она по-прежнему сидела в своей комнате и давилась слезами...

... Анатолия Семёновича она случайно встретила спустя почти десять лет на одной из центральных улиц Тель-Авива. Он слабо улыбнулся и даже не решился пожать ей руку. Он выглядел неожиданно старым, уставшим и растерянным, хотя им с отцом было чуть больше шестидесяти... Она поинтересовалась его делами, силясь вспомнить имя-отчество, и он стал долго и нудно рассказывать о том, что он не у дел, что тяжело болеет жена, что дети разъехались кто куда, а он пытается и пытается...

«И я всё пытаюсь, – подумала она, – собрать осколки...»

– Не получается, – вздохнул Анатолий Семёнович и ушёл...

... – Не получается, – услышала она голос Игоря и вернулась к действительности. – Не получается, – повторил он, поглядывая в конец улицы, где мог появиться автобус. – Работаю, как раб, за эти несчастные полтора куска. Кручусь, как белка в колесе. Работа, дом, будь он неладен, бегу к тебе и уже к одиннадцати валюсь с ног, а вставать в шесть... Нет даже минуты, чтобы осмотреться, найти каких-то людей, подумать о собственной профессии...

«... Неужели я долеталась, – подумала она».

– У меня нет времени хотя бы несколько часов нормально пообщаться с собственным ребёнком. Ухожу – она спит, прихожу – она спит... Мне жалко её!..

– Жалко, – согласилась она, и горькая усмешка мелькнула на её губах.

– Да, жалко, – почти возмущился он, ничего не поняв, слыша только самого себя. – И твоя ирония совершенно неуместна. Тебе, между прочим, полегче, чем многим. Ты одна, никаких обязательств, с языком, слава Богу, всё хорошо, работаешь, ходишь на курсы – чего ещё? Да, я всё прекрасно понимаю – приехали вместе, ты хотела быть рядом, ты ни на что не претендуешь, но я-то, я не выдерживаю. Я же живой человек. Какие-то хмыри квартиры покупают, на машинах уже разъезжают, а я не могу себе дешёвые брюки купить. Господи! Ты же прекрасно знаешь – я весь в долгах, и конца этому не видно...

– Я могу дать тебе денег, – сказала она почти с жалостью и добавила: – У меня немного есть...

– Да не нужны мне твои деньги, – воскликнул он. – Не о них речь.

«...А о чём, – подумала она. – О том, что моя жизнь, которая казалась мне восхитительно неповторимой, так неуклюже складывается и становится похожей на страницы из бездарных бульварных романов?..»

– А о чём? – спросила она.

Он молчал.

– Ты хочешь, чтобы мы перестали видеться? Да? Ты не будешь больше приходить? Никогда?

– Ну, почему никогда, – сказал он. – Я буду звонить, иногда заглядывать. Но... И поверь. Не надо делать из этого трагедию. Это жизнь, понимаешь? Ради Бога, только не плачь!..

«...Верка!.. Верка, сестренка, где ты?!.. – Это кричала её душа, но голос молчал, и глаза были сухими... – Верка, ты же учила меня, что в таких ситуациях, когда мужики паскудно ведут себя, сразу надо бить его по яйцам, и когда он согнётся, глотая воздух, врезать коленом по губам, чтобы захлебнулся, сучий потрох, собственной кровью и зубами... Где ты, Верка?!..»

– Пожалуйста, не плачь, – повторил он.

– А я и не плачу, – сказала она почти спокойно.

– Вот и хорошо, – заключил он. – Я поеду. Поздно. Как раз мой автобус. Четвёртый уже...

– Считал, – сказала она.

– Я позвоню.

Он вошёл в автобус, показал водителю проездной билет, сел у окна и не оглянулся...

...Был поздний прохладный январский вечер. Редкие прохожие торопились по домам – дальние раскаты грома предупреждали о дожде. У автобусной остановки, где она продолжала сидеть, притормозила машина, и сидевшая рядом с водителем женщина обратилась к ней с вопросом на плохом иврите. Она ответила на русском, объяснила, как проехать на нужную улицу и вдруг спросила:

– Скажите, пожалуйста, вы давно купили машину?

– Да гори она синим огнём, эта машина, – ответила женщина. – Из долгов не вылезает.

– Что ты заводишься, – вмешался мужчина. – Расскажи ещё, что на обед ела.

– Ладно, поехали, – махнула на него рукой женщина.

Начался дождь. Она поднялась, пошла к своему дому, вошла в подъезд.

Обернулась, прислонилась к стене, устало прикрыла глаза, будто прислушиваясь к чему-то – то ли шуму дождя, то ли пустоте внутри себя...

В квартире, обставленной скудно, но уютно, она сняла куртку, бросила на диван, включила телевизор, прошла в ванную, отодвинула в угол таз с бельём, глянула на себя в зеркало, затем пошла в кухню, положила в раковину грязную посуду и вернулась в комнату.

На экране телевизора очередной американский герой страстно целовал очередную героиню.

За окном лил дождь. Улица и дворик были пусты. Тоска и безысходность заполнили комнату, и она заплакала. Плакала она громко, навзрыд, воя и царапая оконное стекло. И столько горя и боли было в её бессвязных словах, столько невысказанной обиды, нерастраченной страсти, что казалось, будто стонет по неудачной судьбе семидесятилетняя старуха, а не молодая женщина. А ведь она была совсем ещё молода – ей в декабре исполнилось двадцать пять...

Настойчивые телефонные звонки вернули её к действительности. Она откашлялась, высморкалась, вздохнула, подняла трубку.

– Да, я вас слушаю.

– Привет, Моше, – послышался мужской голос. – Как дела?

– Вы ошиблись, – сказала она и положила трубку.

На улице погода разыгралась вовсю – лил дождь, гремел гром и сверкала молния.

– Не Израиль, а Сибирь, – проворчала она, выходя из комнаты. Вновь раздался телефонный звонок.

– Моше? – спросил тот же голос.

– Я же вам объяснила – вы ошиблись. Уточните номер.

– У кого я буду уточнять? – весело поинтересовались на другом конце провода.

– Не знаю. До свиданья.

Она скинула туфли, надела мягкую домашнюю обувь, плюхнулась на диван и устала в телевизор.

Вновь раздался звонок. Только после пятого она подняла трубку и сказала:

– Моше слушает.

В трубке раздался смех – весёлый и искренний. Она невольно улыбнулась.

– Ну?

– Я решил не уточнять, – сказал голос и неожиданно спросил: – Ты плакала?

– Да, то есть, нет, – поспешно поправилась она.

– Тебе плохо?

– Мне хорошо, – резко ответила она. – До свиданья.

– Ты действительно плакала. Мне очень жаль...

– Откуда ты знаешь?

– Я чувствую...Успокойся. Пожалуйста.

– Чего ты хочешь?

– Помочь и больше ничего.

– Мне помощь не нужна. Надеюсь, ты не работник министерства абсорбции?

– Давай поедem куда-нибудь...

– Чего?!

– Впереди два выходных дня – пятница и суббота. Ты могла бы отдохнуть. Увидеть что-то новое...

Голос его звучал по-дружески тепло и доверительно, и досада, которая охватила её с самого начала, вдруг растаяла и исчезла.

– Ты меня слышишь?
– Что? – встрепенулась она.
– Ты в пятницу работаешь?
– Нет.
– Вот и хорошо, – сказал он. – Называй свой адрес. Я сейчас приеду и на месте всё решим... Что ты молчишь?
– Ты ... Ты это серьезно?
– Конечно. Говори, я слушаю.
– Арлозоров, дом пятнадцать, квартира четыре. Таня.
–...четыре, Таня, – повторил он её последние слова. – Я буду через десять минут. Зовут меня Арье. Всё...

Послышались гудки. Таня, как во сне, положила трубку, всё ещё не веря, что это именно она несколько секунд назад разговаривала с незнакомым мужчиной и даже согласилась каким-то образом провести с ним время.

Чудеса да и только. Она тряхнула головой, вздохнула, засунула руки в карманы брюк и стала раскачиваться взад-вперёд.

– Так, так, так, – пробормотала она. – Начинаем новую жизнь.

Телефонные знакомства, короткие встречи, одноразовые мужчины... Лихо.

И вдруг спохватилась. Бросилась к журнальному столику, сгребла в охапку трусики, бюстгалтер, носки, зашвырнула в шкаф, передела кофточку, застыла у зеркала, торопливо навела уточняющие штрихи, как всегда, осталась недовольна, подвинула кресло на середину комнаты, села и стала ждать.

И дождалась. Арье появился через десять минут – деловой, обаятельный и целеустремлённый. Он не представлялся, не заглядывал философски-глубокомысленно в глаза и не окидывал взглядом её фигуру. Он вошёл, посмотрел на неё, улыбнулся и сказал, как говорят очень близкие люди:

– Вот и я.

– Что надо делать? – задала окончательно глупый вопрос Таня.

Арье засмеялся. Она виновато улыбнулась и развела руками.

– Собираться, – сказал он. – По-армейски быстро и четко. Только самое необходимое. И не забудь взять купальник. Мы летим в Эйлат...

...И они действительно прилетели в Эйлат, который своим ранним рассветом, тёплым утром, нежным, чуть холодноватым морем, желто-розовым песком пляжей и пока ещё сонными зданиями гостиниц покорила её сердце. Арье, незнакомый, фактически чужой человек, в одночасье ставший близким, почти родным, шёл рядом, рассказывал какие-то забавные истории о своих друзьях, об Эйлате, о домах, которых ещё несколько лет назад просто не было, о встречах с разными людьми и непрестанно шутил. Она смеялась, удивляясь тому, что уже не помнила, когда вот так искренне и радостно отдавалась веселью – просто так, потому что хорошее утро, потому что начинается день, потому что легко и интересно рядом с этим симпатичным человеком.

«...А может быть, ничего этого нет? Может быть, всё это ей только снится, и всё это ещё одна насмешка судьбы?..»

...Они пили кофе, завтракали, знакомились с его приятелями, случайно оказавшимися здесь. Она купалась, а он ёжился в своём легком пиджаке, с улыбкой смотрел, как она выходит из воды и торопился накинуть ей на плечи полотенце...

«Странно, странно, странно, – думала она. – Я почти обнажена, он подаёт мне полотенце и даже не делает попыток обнять, прикоснуться, остановить то мгновение близости, которое обязательно наступает между мужчиной и женщиной в такие минуты... Странно, странно, странно», – думала она, пытаюсь хоть как-то перехватить его любопытный взгляд, его жест, его желание.

Они обедали в кругу приятелей, пили легкое вино и рассказывали друг другу всякие байки. «Танья, Таньюша, Таньшечка!..», – склоняли израильтяне на разные лады. Она смеялась. Смеялась и танцевала. Танцевала с Арье, с Шимоном, с Бени, с Меиром и ещё с какими-то людьми – милыми и не назойливыми.

«...Господи, не сон ли это?...»

Был второй час ночи, когда он проводил её в номер, пожелал спокойной ночи и ушёл. Она осталась одна – усталая и счастливая, чуточку пьяная и готовая к любви. Но его не было. Она приняла ванну, накинула лёгкий коротенький халат, поглядела из окна на ночной Эйлат, легла на большую двухспальную кровать...

Он не приходил.

Она поднялась, выглянула в коридор, вернулась, оставив дверь не запертой, легла под одеяло и хитрым, чуть напуганным зверьком уставилась на дверь...

Она не открылась, и никто не вошёл.

Он разбудил её телефонным звонком, сообщив, что утро давно наступило, что светит солнце, что ей, коренной южанке, давно пора нырнуть в прозрачные воды Красного моря, и что вообще она ведёт себя бестактно, потому что он с семи утра на ногах, сделал часовую гимнастику, дважды отменял завтрак и так страшно соскучился, что не выдержит более пяти минут, если не увидит её обалденно красивые глаза...

Она рассмеялась, выпорхнула – да, да, именно выпорхнула – из-под одеяла, скинула халатик и бросилась в ванную.

«Господи, – думала она, стоя под тёплыми струями воды. – Не сон ли это?..»

Субботный день был неповторимым – они ездили с друзьями в пещеры, пили ликёр у знаменитого художника, слушали прекрасного русского певца-репатрианта, который угощал всех водкой, катались на велосипедах и разговаривали, шутили и улыбались, перехватывая взгляды друг друга...

Вечером в ресторане, за ужином, («за прощальным ужином», – подумала она) – они почти не разговаривали. Тень нежной грусти печальной нотой окрашивал этот последний вечер. Он пригласил её танцевать, не сказав при этом ни слова, – взглядом, едва уловимым жестом. Она подошла, прижалась к нему, да так и замерла – от внезапно нахлынувших чувств, от волнения и нежности...

Арье чувствовал на лице её горячее дыхание, прикосновение ресниц и нежно, словно боялся спугнуть нарождающееся чувство, касался её щеки губами. Кончалась суббота. Кончался день. Кончался этот странный двухдневный отпуск, этот удивительно сказочный праздник...

Что-то безвозвратно дорогое оставалось в этом залитом огнями прекрасном городе, где жили милые, добрые люди, где писал свои картины талантливый художник, где пил водку и замечательно пел репатриант из России...

... Она стояла в дверях своей квартиры – красивая, радостно-грустная – и прижимала к груди роскошный букет. Он легонько подтолкнул её в плечо, прикоснулся кончиками пальцев к её щеке и закрыл дверь...

Она оглядела свою квартиру, решительно шагнула в комнату, поставила цветы в вазу, включила телевизор, нашла музыкальный канал и начала перестановку. Диван к окну, поближе к свету, журнальный столик сюда, кресло в угол, и шкаф...Ну, поднатужились, поехали. Вот так вот...Затем она перестирала бельё, вернулась в комнату, открыла сумку, порылась в ней в поисках чего-то и не смогла найти. Порылась ещё...Нет.

– О, Господи! – вырвалось у неё. – Дура, дура, дура!..

Как же она могла, как она могла?! всю жизнь, всю свою бессмысленную жизнь она оставляла всё напоследок, на последнюю минуту, секунду, какой-то миг. Идиотка! Ну почему, почему, почему надо было записывать его телефон на салфетке, на вшивой ресторанной салфетке, которую кто-то убрал, куда-то дел или просто выкинул...

Господи! Почему же я такая несчастная?!

Она устало опустилась на диван и тихо заплакала...

Проснулась она от яркого солнца, от того тепла, которое лилось в комнату. Было на удивление легко и спокойно, светло и радостно. Что это с ней было? И было ли вообще? Не сон ли это?

Она взглянула на журнальный столик – прекрасный букет искрился в солнечных лучах. Было, – подумала она и улыбнулась.

В прихожей слабо зазвенел телефон.

Она повернулась на звук и, продолжая улыбаться, прислушалась. Второй гудок, третий...

Действительно всё было, – ещё раз подумала она. – Или всё-таки мне это только показалось? Только привиделось? Только почудилось?..

